

Теоретическая культурология

DOI 10.34685/NI.2021.60.70.007

**Васильев Г.Е., Дерябина Е.Д.
Утешева А.Ю., Васильева С.Е.**

Основные причины и факторы угасания локальных аутентичных песенных традиций

Аннотация. В статье описываются основные причины и факторы, способствующие угасанию традиционной культуры, локальных аутентичных песенных традиций; раскрывается суть понятий «культура», «миф», «традиция», «ценности», «псевдоморфоз», «капитал», «этнос» и др., проводится различение понятий «народная культура» и «культура массовая», раскрывается суть проблематики современного «массового общества», современной массовой культуры; описываются основные тенденции и закономерности, имеющие место в современной глобальной социально-экономической системе.

Ключевые слова: культура, традиции, ценности, миф, аутентичная песенная традиция, массовая культура.

*Народная песня, как бы ни была она доступна
всему остальному человечеству, все-таки отзовется
чем-то особенным в душе того человека,
для которого она своя, народная песня...*
К.С. Аксаков

Раскроем и рассмотрим основные причины и факторы, способствующие угасанию локальных аутентичных песенных традиций [1] в России, в российской «глубинке» в настоящее время.

Традиция есть важнейшая составная часть, сторона культуры. Другой важнейшей стороной культуры, определяющей культуру как системную гармонию, является творчество, т.е. разного рода культурные нововведения качественного характера. Подлинное культурное развитие

возможно лишь в настрое системной гармонии – как единства противоположностей, условно, системной статики («традиции») и динамики («творчества»).

Очевидно, что всякое культурное творчество так или иначе возможно лишь на основании неких традиций и в то же время всякая традиция так или иначе нуждается в своём постоянном творческом воспроизводстве, связанном с личностным, экзистенциальным восприятием этой традиции, приобщением к ней того или иного человека. Последний воспитывается в русле и настрое данной традиции (шире – культуры), самоотождествляется в отношении к ней и таким образом неизбежно привносит в неё, традицию, нечто своё, особенное, связанное с его личным экзистенциальным жизненным опытом [2].

Любая человеческая деятельность, всякое человеческое творчество так или иначе является деятельностью символической, творчеством символов, т.е. того, что имеет определённое значение, что-то значит, означает, для самого человека, для других людей.

Как своего рода высшее своё символическое выражение человеческая деятельность находит в мифе [3]. В сущности, миф представляет собой повествование определённой традиции. А всякая традиция, по существу, имеет своей главной целью приобщение человека, последующих поколений, к указанным ценностным образцам, идеалам и связанным с ними правилам и нормам жизни [4]. У А.Ф. Лосева в этой связи есть весьма точное определение «мифа» как выраженной «в словах чудесной личностной истории» [5].

Действительно, всякий настоящий миф – это (а) личностная и (б) история. Это – лично пережитый, осмысленный, глубоко воспринятый жизненный опыт, – опыт предыдущих поколений, к которому, на основании личного своего опыта, на основании своей личной истории, здесь и теперь, приобщается человек, приобщаясь к истории своего народа; и при этом, важно, переживая это именно лично, творчески, привнося в этот опыт, в эту традицию нечто своё, особенное, нюансы своего личного творчества, своего воображения, своего мировосприятия.

Всякий настоящий жизненный миф и, соответственно, всякая живая традиция уходят своими корнями в реальную жизнь людей, общества, народа, неразрывно связаны с их реальной исторической жизненной практикой, трудом, творчеством, их воображением, даже сновидениями, с попытками познать окружающий мир, себя, осмыслить своё существование, понять других людей, происходящие события и т.д.

Аналогично, и песенная традиция глубоко укоренена в исторической жизненной практике людей, в их мифе, в ритме их бытия и выражает их умустрой, их творческие порывы, настроения, переполняющие их чувства, выражает их жизнь в её полноте и целостности. Всякий настоящий исполнитель той или иной народной песни находится, соответственно, в парадигме определённой традиции, её мифа [6].

Разумеется, эта ценностная парадигма, как и сама традиция, со временем претерпевает определённые свои изменения, но эти изменения относительно медленны. Однако каждый настоящий исполнитель народной песни, исполняя её, творит её всякий раз, как и саму традицию, заново – творит, соответственно, со своими творческими нюансами и особенностями, в гармоническом культурном единстве традиции и творчества.

Каковы же основные причины того, что в настоящее время аутентичные песенные народные традиции явно подвержены угасанию?

Очевидно, что здесь имеют место те же причины, которые привели в своё время к разрушению традиционного общества [7] и к возникновению общества современного; а точнее сказать – массового общества [8].

Итак, перечислим вышеупомянутые основные причины и факторы.

Культурный псевдоморфоз [9] случился с Россией в ходе петровских реформ. Здесь мы не будем раскрывать основные причины и тенденции, приведшие к подобному положению дел, а просто констатируем случившееся [10]. В результате в отечественной культурно-исторической системе утвердился кардинальный раскол на верхние слои общества («элиту»), оторванные от своей корневой культуры и «выброшенные» в западноевропейскую культуру, с одной стороны, и на народ, оставшийся в своей традиционной русской православной культуре, с другой стороны,.

Причём народ здесь остался в своей традиционной культуре, во-первых, уже безо всяких перспектив социального развития – в «крепостном состоянии» (мало способствующем свободному песенному творчеству), а во-вторых – так или иначе подавляемый в этой своей культуре, лишённый голоса; с соответствующим подавлением под спудом полицейского псевдоморфоза всего русского, включая песенную аутентичную традицию. Об этом, например, хорошо сказано И.В. Киреевским: «...они (цензоры) знали только песни иностранные и думают, что русские – секрет для России, что их *можно не пропустить* (курсив Киреевского. – Авт.). Между русскими песнями и русским народом – Петербургская цензура. Как будто народ пойдёт спрашивать у Никитенки, какую песню затащить над сохой...» [11].

Состояние псевдоморфоза так или иначе тянулось с начала XVIII в., – до октябрьской революции 1917-го, но и после этого не было в полной мере снято; к тому же здесь возникли и свои, новые причины и факторы, способствовавшие угасанию народной песенной традиции.

Впрочем, упомянутое состояние псевдоморфоза вновь постепенно актуализировалось в нашей стране и наблюдается в настоящее время. Что, разумеется, отнюдь не способствует развитию народной культуры, аутентичных песенных традиций; а способствует только их угасанию.

Другим важнейшим фактором, способствующим угасанию народных традиций, является наличествующий сегодня капитализм [12].

Базовое отношение собственности при капитализме есть собственность на средства производства: на орудия труда, машины, оборудование и т.д.

В то время как вышеупомянутое традиционное общество можно с соответствующими оговорками соотнести с формацией феодальной, характеризующейся, прежде всего, ключевым правом собственности на землю и, соответственно, с сельскохозяйственным типом и укладом жизни.

Разумеется, формационный, в строгом смысле слова, подход может быть безоговорочно применим лишь к западноевропейской культурно-исторической системе. Что же касается иных культурно-исторических систем, например, той же Русской, то данный концептуальный аппарат здесь может быть применим лишь с достаточной долей условности, с большими оговорками (хотя бы потому, что на Руси всегда были проблемы с собственностью на землю, – «земля Божья» и т.д.); однако, сделав такого рода оговорки, мы вполне можем сказать, что, условно, феодальная, как докапиталистическая, социально-экономическая модель здесь так или иначе будет соответствовать тому типу общества, которое можно назвать традиционным.

Капитализм – привнесённая, в режиме вышеупомянутого псевдоморфоза, с Запада социально-экономическая модель, которая оказалась довольно деструктивной по отношению к русскому традиционному обществу, – дополнительно наложившись, в своей деструктивности, на упомянутый псевдоморфоз.

Капиталистический социально-экономический тип организации общественной жизни предполагает отрыв населения, в достаточно массовых масштабах, «от земли», от сельскохозяйственного уклада, от их традиционной культуры, от символической порядков такого рода культуры, от традиционного образа жизни, и – перевод их в города, на промышленные производства и т.д.

В результате, значительная часть сельского населения оказывается оторванной от своей традиционной культуры, – и, соответственно, истончается слой носителей аутентичной песенной народной традиции.

Те же, кто переезжает в города довольно быстро утрачивают живую связь со своей традицией, – потому как весь новый их жизненный уклад, новый их ритм жизни, её миф, новый искусственный онтологический ландшафт и т.д., отнюдь не способствуют реальному творческому воспроизводству данной песенной традиции, утрачивающей в таких обстоятельствах свои онтологические корни; и если эта традиция ещё как-то здесь сохраняется и воспроизводится, – то уже «единично», на «личном энтузиазме», и уже без реальной своей жизненной основы. И потому оказывается (почти) обречённой довольно скоро, по преимуществу, угаснуть.

Касательно же той традиционной культуры, – в том числе, песенной, – которая осталась «на земле», и без того истончающейся, то, в России, её, дополнительно, подавили и реформа 1861 г., и столыпинские реформы.

Реформа 1861 г., казалось бы, напротив, вроде как освободившая крестьян, должна была оказать благотворное влияние на возрождение народных традиций, в том числе и песенной традиции, однако суть дела здесь заключалась в том, что «освобождение» это произошло за счёт крестьян и в ущерб крестьянам, которые были вроде как «освобождены» только лишь с тем, чтобы оказаться тут же порабощенными Капиталом, – в режиме начавшихся тогда либеральных реформ (в смысле, буржуазно-капиталистических), в качестве дешёвой, почти дармовой, рабочей силы. С соответствующим падением уровня жизни [13] для большинства «освобождённого» населения и попаданием в глубокую долговую кабалу. И тут уж, очевидно, не до песен.

Столыпинские реформы, тоже проводившиеся в реформаторском капиталистическом мейнстриме – ударили целенаправленно по крестьянской общине [14], – как раз основной хранительнице традиций, в том числе – и традиций песенных русского крестьянства. Что, в свою очередь, не могло благотворно отразиться на сохранении и воспроизводстве народных аутентичных песенных традиций.

Негативно на непосредственной народной песенной традиции сказались дальнейшие социальные преобразования в деревне, имевшие место уже в советскую эпоху. Тут и форсированные процессы индустриализации, – опять же переводящие сельское население массово в города, на промышленные производства, – и последующие «троцкистские» проекты «неперспективных деревень», и т.д. Это, наверное, отдельная большая тема, однако мы в данной работе предположили для себя прежде всего сфокусировать своё внимание на тех негативных и деструктивных процессах касательно аутентичных песенных традиций, которые имеют место в России в настоящее время, а именно с 1990-х гг. и по сию пору, – и в этой связи, всё, что так или иначе было связано с теми негативными и деструктивными процессами относительно аутентичных песенных традиций, которые имели место в советский период, мы, пока, вынесем за скобки, потому как наличествовавшие здесь свои особые причины и факторы в настоящее время уже, по преимуществу, не актуальны, а актуальны здесь, скорее, те причины и факторы, которые связаны с произошедшей реставрацией в стране капитализма; причём капитализма, во-первых, в довольно специфическом его «российском периферийном» нынешнем варианте, а во-вторых – в его, капитализма, находящегося уже на поздней, судя по всему – действительно, последней, своей стадии, вот уж балансирующего на пороге своего перехода в новую, по существу, формацию «цифрового паноптикума», «цифрового левиафана».

В возникновении и утверждении капитализма свою важную и даже определяющую роль сыграл научно-технический прогресс, приведший к существенным преобразованиям в сфере производительных сил, уровне развития техники, средств производства и т.д., и, соответственно, привёл, в своё время, к созданию индустриальной инфраструктуры, – так или иначе активизировавшей процессы урбанизации и переток населения в города, с соответствующей утратой этим населением того жизненного ландшафта и традиционного уклада, который являлся основой и почвой воспроизводства традиции, и в том числе – традиции песенной.

Здесь, впрочем, надо заметить, что сам по себе научно-технический прогресс не является чем-то негативным по отношению к народным песенным традициям и, вообще, к художественному народному традиционному творчеству, весь вопрос тут состоит только в том, как этот научно-технический прогресс используется в данном обществе субъектами управления этим обществом, каковы их базовые цели, какова та общественно-экономическая формация, имеющая место в данном обществе, которая имеет свои специфические тенденции и закономерности обращения того же научно-технического прогресса в ту или иную сторону его использования и особенного направления развития.

И если в наличествующей (капиталистической) социально-экономической модели, с присущей её правящему классу (условно, элите) целевой стратегией, научно-технический прогресс работает именно в такого рода специфическом направлении и целеполагании, – максимизации прибыли, воспроизводства капитала в его долгосрочной перспективе, манипуляции массовым сознанием населения, целенаправленного обращения населения в аморфную и безликую «массу» и т.д., – то это не может быть, само по себе, упрёком научно-техническому прогрессу как таковому, а только – тем людям, тому правящему классу (условно, олигархии), который определяется в подобного рода базовом своём целеполагании и в своих целевых тенденциях, используя научно-технический прогресс в качестве орудия воспроизводства своей власти и капитала.

Выше мы уже определили понятие массового общества, сиречь, здесь – «социальной массы», как некоего сообщества людей, не имеющих никаких общих ценностей, общего этоса [15], – и это кардинальным образом различает такого рода «социальную массу» с народом, который, поелику народ, всегда имеет свой этос, свои традиции, свою ценностную и целевую матрицу бытия.

В капиталистической системе правящему классу весьма важно осуществлять обращение, на настоящем историческом этапе, народ, население именно в «социальную массу», которой очень легко манипулировать и, соответственно, извлекать из неё максимальную прибыль, используя людей, население, исключительно как средство воспроизводства капитала.

«Социальная масса», «человек-масса» – не есть, в сущности, самостоятельный субъект, он есть исключительно объект манипуляций; ему целенаправленно внушается иллюзия его свободы и вроде как самостоятельности, при этом как раз отнимая, собственно, у него настоящую свободу, самостоятельность, субъектность; по существу, человеку тут внушается обманка ложной свободы, посредством соблазна которой манипуляторы овладевают сознанием этого человека.

Поясним этот момент. Если человек традиционной культуры, находясь в её сфере, оказывается более устойчив к технологиям манипуляции его сознанием, вследствие того, что крепко укоренён в своих традициях, в своих социокультурных связях, то человек, оторванный от подобного рода крепких связей и традиций, оказывается уже совершенно беззащитен перед указанными технологиями манипуляции массовым сознанием, – за редкими, разумеется, исключениями, т.е. тех людей, которые, вопреки ситуации, успевают выработать стойкое личное самосознание и чей

разум, по тем или иным личностным причинам, оказывается более устойчив к подобного рода практикам; но это, действительно, крайне редкие, своего рода, уникальные, случаи.

В подавляющем же большинстве своём оторванные от традиционных своих социокультурных символических порядков люди почти сразу и довольно легко обращаются в аморфную социальную массу, из которой Мегамашина (в терминологии Л. Мамфорда) [16] манипуляции массовым сознанием оказывается способна лепить всё, что угодно.

К слову, важно заметить, что технологии манипуляции массовым сознанием есть модель управления обществом, свойственная как раз капитализму, – в силу, опять же, развития соответствующих средств массовой информации, с одной стороны, а с другой – отрыва значительного количества населения от традиционных своих культурных форм и сфер.

При капитализме правящий класс не может прямо и открыто заявить свои цели, – максимизация прибыли на основе эксплуатации населения и, соответственно, воспроизводство на этой основе своей власти, – и вынужден поэтому использовать именно технологии массовым сознанием, априори замалчивая свои базовые реальные цели и представляя совершенной иной, ложный спектр социального целеполагания, и, посредством технологий манипуляции массовым сознанием, воздействуя, исподволь, на бессознательную сферу людей, населения, формируя тем самым общественное мнение, по существу – формируя, в массовом масштабе, ложное сознание.

В такого рода аморфном массовом обществе, состоящим из массовых индивидов, господствует то, что называется массовой культурой, с присущим ей массовым искусством, т.е. та сфера, которая обеспечивает воспроизводство массового индивида и лепку из него необходимых, в данный конкретный момент, выгодных вышеупомянутому Капиталу, тех или иных форм, создания у него тех или иных, нужных и выгодных сегодня, стереотипов и установок, вкусов и мнений.

Очевидно, что традиционная народная песенная аутентичная традиция – никоим образом не соответствует, как таковая, подобного рода культуре и искусству, не вписывается в них.

К слову, важно заменить, что называемое массовой культурой имеет одно довольно-таки существенное отличие от, собственно, культуры, в полном смысле этого слова.

Культура, как мы обозначили выше, имеет в своём основании некую ценностную систему, систему жизнесмыслов и идеалов. Культура же массовая, обыкновенно, никакой такой достаточно устойчивой ценностно-смысловой матрицы в себе не имеет; более того, зачастую, – и такого рода тенденция стала особенно явно заметной в последнее время, – целенаправленно работает на деструкцию и нивелирование высших ценностей, как таковых. Массовая культура имеет своим целеполаганием отнюдь не воспитание человека, не возвышение человека, не создание из «человека потенциального» (биологического существа) «человека актуального», т.е. своеобразной цельной личности, со своей самоидентификацией по отношению к общественным высшим ценностям, а – прежде всего, коммерческую выгоду, обеспечивающую прирост капитала

в его долгосрочной перспективе. В этом, кстати, и заключается определённое базовое противоречие культуры и капитала, – но это отдельная большая тема, и мы здесь на ней останавливаться не будем.

Разумеется, народная песенная традиция в некотором своём «формате», наверное, так или иначе может быть вписана в регистр массовой культуры, но это будет уже далеко не собственно аутентичная народная песенная традиция, а скорее некий её выхолощенный симулякр, который, возможно, найдёт свою «нишу» и будет выгодно продаваться и даже приносить определённую прибыль, однако, повторимся, это будет уже всё что угодно, но только не аутентичная народная песенная творческая традиция [17].

Здесь, полагаем, нужно оговорить ещё один важный нюанс. Обыкновенно зачастую понятия массовой культуры и культуры народной [18] смешивают и путают, даже отождествляют, в то время как это весьма разные вещи.

Вроде бы и та и другая культура как будто рассчитаны на широкие общественные слои, на основные группы того или иного сообщества; однако и базовое целеполагание той и другой культуры значительно расходятся, и, собственно, основания (ценностные) той и другой культуры кардинально различны.

Очевидно, что аутентичная народная песенная традиция относится к народной культуре, но она никак не относится, как таковая, к культуре массовой.

В то же время, приходится признать, что называемое традиционной народной культурой в настоящее время, в наличествующих социально-экономических условиях, постепенно сходит на нет и если ещё и существует, то исключительно в качестве, действительно, угасающих своих анклавов.

Как мы сказали выше, народная культура и, в частности, аутентичная локальная песенная народная традиция, имеет свои основания в том образе жизни, который ведёт данный народ, данное сообщество, – со своими особенными, соответственно, мифами и прочими символическими системами и нарративами (повествованиями).

Этот образ жизни включает в себя, как нечто целостное, и хозяйственную, и художественную, и культово-религиозную жизнь человека и общества, и вот именно этому образу жизни, который ещё как-то худо-бедно теплился в советское время, с наступлением «реставрации капитализма» в 1990-е гг. был нанесён ещё один сильнейший социально-экономический удар, отбросивший большинство населения, наипаче сельского, в нищету и безработицу, – соответственно, активизировав потоки перетекания населения в города, вынужденно ищущего хоть какую-нибудь работу, возможность выжить, – тем самым, обращая эти массы населения в прекариат (от лат. *precaria* – «выпрошенное во временное пользование»), т.е. в людей, не имеющих постоянной работы и стойкого заработка и постоянно находящихся на грани безработицы и, оттого, согласных

на любую работу, с самыми низкими расценками. Города же эти обращаются здесь уже в огромные агломерации, не то что даже никоим образом, разумеется, не способствующими сохранению и тем более развитию неких народных традиций, в том числе традиций народных песенно-творческих, но и, вообще, уже просто непригодными для хоть сколько-нибудь здоровой, – физической, не говоря уж о психической и духовной, – жизни человека.

Очевидно, что ни о каких аутентичных песенных народных традициях, об их реальном сохранении, возрождении и развитии в подобного рода ситуации и речи быть не может. Не остаётся для них никаких социокультурных оснований.

Современная ситуация, также немаловажно заметить, характеризуется тем, что современный человек, в отличие от людей прошлых эпох, с одной стороны, живёт ещё, как «физическое тело», в физической реальности, но с другой стороны, ментально, существует в виртуальном измерении, в так называемой виртуальной информационной среде, – и, соответственно, направляется и программируется этой средой принимать решения, составлять свои мнения, да и, вообще, формироваться в своём «образе мира», по преимуществу, почти вот уж тотально, на основании того, что ему внушается в этой информационной виртуальной среде, причём, зачастую, во вред себе и своим реальным жизненным интересам.

Разумеется, в былые времена люди тоже, в той или иной мере, бывало, впадали в разного рода массовые психозы, верили разного рода нелепым «виртуальным» слухам и пр., однако всё это было лишь частными случаями, особого рода эксцессами, ныне же – средства массовой информации оказывают своё внушающее воздействие на массового обывателя, потребителя информации в постоянном режиме и почти тотально.

Особенно явно подобного рода положение дел заметно в городах, – однако, скажем так, в сельской местности ситуация, в нынешних условиях, отличается не сильно, и разве что только, скорее количественно, но уже не качественно.

Реальный жизненный Миф утрачивается, исчезает – замещается симулякрами массовой информации, массовой культуры и массового искусства. Соответственно, очевидно, как бы сама собой исчезает и аутентичная песенная народная традиция.

Дополнительно к вышеизложенному, можно указать, в качестве негативных для сохранения и развития народных традиций факторов, на то, что называется постмодерном, – т.е. на особое состояние современной Западной культурно-исторической системы, распространяющей сегодня своё определяющее влияние на весь Земной шар, таким образом глобализирующейся.

Состояние постмодерна характеризуется, в самых общих чертах, такими ключевыми своими характеристиками как: а) деконструкция базовых смыслов и ценностей; б) запрет на метанарративы [19], – т.е. на некие основополагающие мифы (в исконном смысле слова), концепции и идеологии, претендующие на истинность; в) «смерть Бога» (провозглашённую в своё

время Ницше) [20], «смерть человека» (провозглашённую М. Фуко [21] и вполне логично споследовавшую «смерти Бога»), «смерть автора» (провозглашённую Р. Бартом) [22], «смерть субъекта» и т.д., – т.е. всех тех концептуальных основополагающих социокультурных образцов, которые были сформированы в русле Модерна (Нового Времени); г) «клиповое сознание», «мозаичное мышление» [23]; д) торжество «симулякров третьего порядка» [24], «виртуальной реальности»; и т.д. [25]

Подобное состояние современной социокультурной системы имеет своими причинами и основаниями те же, вышеуказанные, причины и основания, которые мы раскрывали в качестве основных причин и факторов применительно к разрушению и подавлению традиционных культурных форм, образцов и жизнесмыслов, – только здесь, в торжестве постмодерна, все эти причины и факторы выходят на уровень тотальности и полной своей реализации.

Разумеется, нынешнее социокультурное состояние постмодерна отнюдь не способствует, мягко говоря, сохранению аутентичных песенных народных традиций.

Итак, сделаем, определённые выводы относительно основных причин и факторов, способствующих угасанию аутентичных песенных народных традиций в настоящее время.

Причины и факторы эти – с одной стороны, старые, уходящие своими корнями в историю, а с другой – современные, свойственные нынешней социально-экономической системе и ситуации.

Прежде всего, это культурно-исторический и государственный псевдоморфоз, случившийся в России, в XVIII в., и так или иначе сохранившийся по сию пору и даже актуализировавшийся с 1990-х гг., – это только усугубило наличествующую негативную ситуацию в отношении народных аутентичных традиций, в том числе и традиций песенных.

Очевидно, когда образцы чужой, глобальной «культуры» являются господствующими и целенаправленно продвигаемыми, то аутентичная народная культурная традиция, в том числе традиция песенная, так или иначе будет перманентно в подавленном состоянии.

Другой причиной, тесно связанной с вышеуказанной, является капиталистическая социально-экономическая модель, предполагающая в качестве своей культурной модели культуру массовую («культурку»), а в качестве модели общества – общество массовое, ныне, в регистре так называемого информационного общества, становящихся тотальностью, при котором человек обращается, по существу, исключительно в средство извлечения прибыли, воспроизводства капитала, – хотя, конечно, всё это может прикрываться, и прикрывается, разного рода красивыми словами, в сопровождении и обрамлении соответствующих технологий манипуляции массовым сознанием, вот уж, в регистре информационного общества, тотально господствующих. Виртуальная реальность, её симулякры, всё заметней побеждает реальность.

Разумеется, при господстве такого типа культуры и такого типа общества аутентичные народные традиции, в том числе традиции песенные, могут существовать исключительно в качестве маргиналий, кое-как ещё сохраняясь на задворках подобного рода «цивилизации», в её пограничных лакунах, постепенно сходя на нет и исчезая.

В то же время, полагаем должным заметить, что складывающееся сегодня печальное положение вещей, – и касательно аутентичных песенных народных традиций, и касательно, вообще, народных традиций, и, шире, перспектив человеческого и общественного, культурного развития, – как всё в истории, отнюдь не предопределено, а находится в определённой зависимости от нашей воли, от нашего самосознания, нашего разума и нашей ответственности перед нашими предками и потомками.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Под традицией мы понимаем особую символическую систему образцов, правил и норм, определяющую жизнь общества и человека и передающуюся из поколения в поколение.

[2] Под культурой мы понимаем особую символическую ценностно-смысловую систему, определяющую и актуализирующую творчество человеком самого себя и сферы своего бытия.

[3] Под мифом мы будем понимать отнюдь не то, что люди обыденно склонны в настоящее время под этим словом понимать. Мы будем понимать миф именно в его исконном (древнегреческом) смысле, когда миф представлял собой истинное священное слово, священную речь, священное повествование.

Под мифом мы будем понимать повествование (представляющее собой особого рода символическую систему), которое содержит в себе жизненно важные для данного народа (общества) ценностные образцы подражания и воспитания, культурной самоидентификации.

[4] Под ценностями (здесь – высшими ценностями) мы будем понимать самое значимое для человека, то, ради чего человек (и общество в целом) живёт. Ценности (высшие ценности) – есть своего рода «точки интенсивности» бытия человека, актуализирующие, интенсифицирующие и особым образом направляющие творчество человека.

[5] Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 169.

[6] Под парадигмой мы будем понимать мировоззренческую матрицу, содержащую в себе основополагающую систему ценностей, смыслов и целей жизни человека и общества. Эта ценностная матрица (парадигма) определяет для человека и общества обретающиеся в ней ключевые онтологические различия «добра и зла», «своего и чужого», «что можно и чего нельзя».

[7] Под традиционным обществом мы будем понимать общество, в основе жизни которого лежит определённая традиция, её миф.

[8] Под массовым обществом мы будем понимать человеческую общность, которая не объединяется некой традицией и не имеет в своих основаниях общих ценностей и смыслов.

- [9] Псевдоморфоз – понятие философии культуры О. Шпенглера, обозначающее наложение форм одной, сильной и развитой культуры (культурно-исторической системы) на другую культуру (культурно-историческую систему), на её живое содержание.
- [10] *Васильев Г.Е.* Перевороты: XIX – нач. XX вв. : Русская историология. – М.: Ваш Формат, 2019. – 603 с.; *Васильев Г.Е.* Русская историология : Кн. 2: Московская Русь. – М.: Издат. технологии, 2017 – 601 с.
- [11] И.В. Киреевский – письмо В.А. Жуковскому, 1845 г. // *Киреевский И.В.* Полн. соб. соч. : в 2 т. Т. 2. – М.: Тип. Импер. Мос. ун-та, 1911. – С. 238.
- [12] Капитализм – социально-экономическая формация, основополагающей целью которой является воспроизводство капитала в долгосрочной перспективе. Капитал – самовозрастающая стоимость, воспроизводящаяся как власть над трудом и его продуктами.
- [13] Подробнее см. об этом: *Островский А.В.* Российская деревня на историческом перепутье. – М.: КМК, 2016. – 431 с.
- [14] Подробнее об этом, о причинах и пр., см., например: *Васильев Г.Е.* Перевороты: XIX-нач.XX вв. Русская историология. – М.: Ваш Формат, 2019. – 603 с.
- [15] Этнос – понятие древнегреческой философии (от которого, собственно, и возникло понятие «этики»), означающее, с одной стороны, жизненные принципы человека, с другой стороны, определённые принципы жизни и бытия общества, т.е. нравственные, моральные принципы, правила, традиции, устои, ценности и т.д.
- [16] *Мамфорд Л.* Миф машины. – М.: Логос, 2001. – 408 с.
- [17] Под симулякром мы понимаем копию, не имеющую оригинала (подлинника), но претендующего на то, чтобы самому представляться в качестве подлинника (оригинала).
- [18] Народная культура – это культура традиционная, свойственная народу, т.е. общности людей, объединённой определённой системой жизненных ценностей, целей и смыслов, некоей традицией и жизненными устоями. Массовая культура – это культура, которая создана специально для «массового общества», для «массового индивида», т.е. потребителя этой культуры в целях (а) извлечения соответствующей прибыли и (б) манипуляции массовым сознанием «массовых индивидов» ради воспроизводства данной социально-экономической системы.
- [19] *Лиотар Ж.Ф.* Состояние постмодерна. – М.: Алетейя, 2016. – 160 с.
- [20] *Ницше Ф.* Соч. : в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 593.
- [21] *Фуко М.* Слова и вещи. – СПб.: А-сэд, 1994. – 405 с.
- [22] *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
- [23] *Гиренок Ф.И.* Клиповое сознание. – М.: Проспект, 2016. – 256 с.; Моль А. Социодинамика культуры. – М.: ЛКИ, 2008. – 416 с.

[24] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

[25] См., по теме: Васильев Г.Е., Ляпустин А.Г., Янковская В.С. Кризис человека в современной цивилизации. – М.: Франтера, 2011. – 138 с.; Васильев Г.Е., Ляпустин А.Г., Янковская В.С. Качество бытия человека: пути развития и прогнозирование. – М.: Принт24, 2020. – 171 с.; Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. – М.: Интрада, 1998. – 256 с.

Васильев Глеб Евгеньевич,

кандидат философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Москва).
Email: gleb.negin@mail.ru

Дерябина Елена Дмитриевна,

кандидат культурологии,
руководитель отдела аспирантуры,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Москва).
Email: deryabina.ed@mail.ru

Утешева Анна Юрьевна,

младший научный сотрудник,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Москва).
Email: consolario@gmail.com

Васильева Светлана Евгеньевна,

аспирант,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Москва).
Email: sveta.kyrator@mail.ru

**Vasiliev G., Deryabina E.,
Utesheva A., Vasilyeva S.**

The main reasons and factors of the extinction of local authentic song traditions

Abstract. *The article describes the main causes and factors contributing to the extinction of traditional culture, local authentic song traditions; reveals the essence of the concepts of "culture", "myth", "tradition", "values", "pseudo morphosis", "capital", "ethos", etc., distinguishes the concepts of "folk culture" and "mass culture", reveals the essence of the problems of modern "mass society", modern*

"mass culture"; describes the main trends and patterns taking place in the modern global socio-economic system.

Key words: Culture, traditions, values, myth, authentic song tradition, mass culture.

Vasiliev Gleb Evgenievich,

PhD in Philosophy, Assoc. professor,
Leading researcher,
Russian Scientific Research Institute for Cultural
and Natural Heritage named after D.Likhachev (Moscow).

Deryabina Elena Dmitrievna,

PhD in Cultural research,
Head of the Postgraduate Department,
Russian Scientific Research Institute for Cultural
and Natural Heritage named after D.Likhachev (Moscow).

Utesheva Anna Yuryevna,

Junior Researcher,
Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.Likhachev (Moscow).

Vasilyeva Svetlana Evgenievna,

Postgraduate student,
Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.Likhachev (Moscow).

© Авторы, 2021.

Статья поступила в редакцию 20.11.2021.

URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/552.html&j_id=49